

А.А.Бурыкин (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

**Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках:
монгольский суффикс -bci (калм. -вч) и его эквиваленты
в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках**

Опубликовано в кн.: Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). М., 2000. С.16-20.

Результаты и дальнейшие перспективы сравнительно-морфологических исследований в алтаистике как сравнительно-историческом изучении монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, корейского и японского языков, основанных на идее генетического родства этих языков, неизбежно опираются на данные сравнительно-исторической фонетики этих языков, поскольку общий инвентарь морфем должен демонстрировать те же фонетические соответствия между отдельными группами алтайских языков, что и соответствия, наблюдаемые на материале корневых элементов. Последнее положение неукоснительно соблюдалось в работах основоположников алтаистики Г.Рамстедта и Н.Поппе, что позволило им выявить некоторое количество общих морфологических элементов, встречающихся в нескольких группах алтайских языков. Напротив, В.Котвич, предпринимавший попытки объявить наблюдаемые сходства в алтайских языках следствием контактов и заимствований, сравнивал морфологические элементы исключительно по внешнему сходству, и это не только не позволило продвинуться вперед в изучении сравнительной морфологии алтайских языков, но и стало основой для ряда ошибочных сравнений.

Дальнейшие исследования сравнительно-исторической фонетики алтайских языков с учетом распределения рефлексов отдельных фонем по позициям (начальная, интервокальная, преконсонантная, постконсонантная, финальная позиции) позволили не только пересмотреть фонетические соответствия между отдельными группами языков на уровне линейной фонологической структуры слова, но и выявить для отдельных позиций некоторые новые соответствия, не замечавшиеся ранее. Эти соответствия позволяют заметно увеличить число общих морфологических элементов для монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков, при этом различия во внешнем облике сравниваемого материала по отдельным группам языков в подобных случаях заведомо исключают трактовку таких фактов как результат заимствований.

Один из таких примеров - это монгольский суффикс -bci и параллели к нему, обнаруживающиеся в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках, чему и посвящена настоящая работа.

Примеры слов с суффиксом -bci в монгольских языках:

п.-мо. *xogolabci* 'ошейник' (*xogolai* 'горло'), *ketebci* 'кисет для огнива' (*kete* 'огниво'), *k/z|gebc* 'ошейник' (*k/z|g|n* 'шея') и т.п.;

монг. *далавч* 'наплечник' (дал 'лопатка'), *чихэвч* 'наушник' (*чих* 'ухо'), *зүүвч* 'игольник' (*зүү* 'иголка') и т.п.,

калм. *күзүвч* 'ошейник' (*күзүн* 'шея'), *тохавч* 'подлокотник' (*тоха* 'локоть') и т.п.

Суффикс с аналогичным значением, имеющий вид -птун, имеется в эвенкийском языке: ср. *уняка-птун* 'кольцо' (унякан 'палец'), *мон"о-птун* 'бусы,

ожерелье' (*мон"он* 'шея'), *билэ:птун* 'браслет' (*билэ:н* 'запястье'). параллели к эвенкийскому суффиксу -птун имеются и во всех других тунгусо-маньчжурских языках. Сходство на уровне значения и формы и историческое тождество тунгусо-маньчжурского суффикса -птун и монгольского суффикса -bcі настолько очевидно, что никем не бралось под сомнение.

В близкородственном эвенкийскому языку эвенском языке суффиксу -птун соответствуют два разных суффикса: 1) суффикс -пан, оформляющий названия предметов, надевающихся на что-либо - ср. *билэпэн* 'браслет' (*билэн* 'запястье'), *билгапан* 'бусы, ожерелье' (*билга* 'горло'), *унипан* 'наперсток (*уникан* 'указательный палец') и др.; 2) суффикс -тин", образующий названия предметов, прикрепляемых к чему-либо: ср. *делатин"* 'ремешок с камнем, привязываемый к крышке юрты' (дел 'камень'), *хи:нча-тин"* 'ремешок из кожи-деталь украшения' (хин:чача: 'название украшения из ремешков, продернутых сквозь кожаную пластинку'). В исследованиях по эвенскому языку отмечается, что суффиксы -пан/-пэн и -тин" исторически являются вариантами одного и того же суффикса, но причины этого расщепления одного суффикса на два разных элемента не находили объяснения.

Решить эту проблему применительно к тунгусо-маньчжурскому материалу позволили три закономерности сравнительно-исторической фонетики алтайских языков, не известные ранее: 1) падение преконсонантных согласных в тюркских языках; 2) переход всех возможных ауслатных согласных в согласный -н в тунгусо-маньчжурских языках, вызванный морфологической аналогией; 3) соответствие тунгусо-маньчжурского заднеязычного носового *н"* тюркскому *к-*; 4) соответствие монгольского гласного *і* непервых слогов более архаическому долготу лабиализованному *и:/|*: (элемент -in в монгольских названиях десятков, очевидно, соотносится с общеалтайским *р'о:п 'десять', то же значение имеет элемент хон в маньчжурском *тофохон* 'пятнадцать', *зорхон* 'двенадцать', и числительных второго десятка в языке текстов, записанных малым чжурчжэньским письмом). Таким образом, вариант суффикса -тин" выглядит ранним заимствованием из тюркских языков, когда преконсонантный согласный исчез, ауслатный согласный еще не перешел в -к, и вместе с тем действие закона о переходе *н">н* в тунгусо-маньчжурских языках было уже приостановлено (собственно, этот заимствованный суффикс -тин" имеется только в эвенском языке, наиболее тюркизированном из всех тунгусо-маньчжурских языков). Таким образом, тунгусо-маньчжурский архетип этого суффикса восстанавливается в виде -*пту:н" с финальным заднеязычным носовым согласным. Конечный -н" в составе этого суффикса в монгольских языках мог подвергнуться утрате ввиду наличия самостоятельного суффикса -ng (ср. п.-мо. *xaldang* 'пятно', *egedeng* 'кашица').

Тюркской параллелью к монгольскому суффиксу -bcі и тунгусо-маньчжурскому -птун < -*пту:н" является суффикс -z/k в слове *bilez/k* 'браслет' (ср. *bilek* 'запястье' = т.ма. билэн 'запястье'). Данный суффикс в тюркских языках относится к непродуктивным и редким словообразовательным суффиксам, что должно говорить о его древности. Внешний облик этого суффикса в тюркских языках становится почти полностью предсказуемым исходя из данных сравнительно-исторической фонетики адтайских языков: преконсонантный согласный исчез, финальный носовой заднеязычный *н"* изменился в -к, а среднеязычный согласный *z* соотносится с согласным *с* в монгольском примере:

поскольку в преконсонантной позиции находится шумный согласный *b*, в соответствиях невозможно ожидать “ротацизма”. При этом п.-мо. *bileceg* ‘браслет’ является несомненным тюркизмом. Другой тюркский пример слов с этим суффиксом - др.-тюрк. */mz/k* ‘лука седла’, также интересен тем, что содержит общеалтайский корень, ср. п.-мо. *emegel*, мо. *эмээл* ‘седло’.

Архаическая тюркская форма данного суффикса сохранилась в негидальском слове *бэлэ:пчун* ‘спинка мехового охотничьего жилета’, изолированно стоящего в тунгусо-маньчжурской лексике и являющегося несомненным старым тюркизмом: ср. др.-тюрк. *bel* ‘поясница’. Вариант суффикса -пчун невыводим из тунгусо-маньчжурских форм, но понятен как архетип прототюркского суффикса **rcuk* / **rcung*, в котором имел место характерный для тунгусо-маньчжурских языков переход ауслатного согласного в -п.

Рассматриваемый суффикс имеет параллель также в корейском языке в виде -чи, ср. корейск. *сон* ‘рука’, *сон-ккарак* ‘палец на руке’ - *каракчи* ‘кольцо, перстень’. Преконсонантные согласные в корейском языке имеют тенденцию к выпадению и лишь иногда восстанавливаются в морфологических чередованиях, например, корейск. *так* (написание в корейской графике [*талк*]) ‘курица’, но *талгал* ‘куриное яйцо’ (*ал* ‘яйцо’).

Любопытный и весьма важный материал для происхождения этого суффикса вместе с ареальными данными дает нивхский язык, в котором представлены одновременно алтайские (очевидно, исконные) и чукотско-корякские (по всей видимости, заимствованные) элементы. В нивхском языке имеется глагол *юп-ть/һуп-ть* ‘завязывать, стягивать, туго перетягивать’, *юп-нивх* ‘упаковщик, укладчик’, *юп-с* ‘связка, упаковка, тара, повязка, бинт’, *һупс*, (вост.-сах. *һупри*) ‘повязка’. При этом самостоятельная лексическая единица *юпс/һупс*, будучи производным отглагольным именем, которое оформлено суффиксом имен орудия -с (вост.-сах. -*ри*), оказывается в состоянии участвовать в образовании сложных слов, где она имеет статус полусуффикса или суффикса: ср. *вих* ‘нос’ - *вих-упс* ‘наносник (узкая матерчатая полоса, которая повязывается поверх носа при сильном морозе)’.

При этом нивхский глагол *юп-ть/һуп-ть* ‘завязывать’, соотносится этимологически с нанайским *хулбиэ-* ‘завязывать’, *хулбиэ* ‘связка’ (на наличие в глагольном корне выпавшего сонанта указывает присутствие смычного согласного *п* в поствокальной позиции: этимологически интервокальные смычные в нивхском языке спирантизируются). Исходная глагольная основа и производный от нее суффикс сохранены в разных группах языков в разной степени: если в нивхском языке глагольный корень, к которому восходит полусуффикс со значением повязок и покрышек, и сам этот полусуффикс имеют одинаковую форму, в тунгусо-маньчжурских языках глагольный корень *хулбиэ-* и суффикс -*птун* имеют разную форму, в монгольских языках суффикс -*bsi* относительно продуктивен, а в тюркских языках и корейском языке рефлекс этого суффикса непродуктивны. При этом материал тунгусо-маньчжурских языков показывает, что фонетические изменения в ауслатной части слова, в частности, в суффиксах, в этих языках значительно опережают фонетические изменения в первом слове слов и в корневых морфемах: изменение групп согласных в этих языках началось с групп согласных в суффиксах и на стыке суффиксов.

Таким образом, удастся проследить, что монгольский суффикс -*bsi* не только обнаруживает параллели с регулярными фонетическими соответствиями в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках, но и восходит к

самостоятельному производному слову, которое сохранилось как отдельная лексическая единица в нивхском языке. В тунгусо-маньчжурских языках, конкретно - в эвенском языке вместо закономерных рефлексов данного суффикса (эвенк. -птун) отмечаются дублиеты *-пан/-пэн* и *-ти:н*”, первый из которых является старым морфологическим вариантом к общетунг.-ма *-пту:н, а второй, видимо, представляет собой старое заимствование из языка, близкого к “прототюркскому”, который еще не слишком далеко отошел в развитии от языков других групп, но уже утратил преконсонантные согласные.

Самое же интересное заключается в том, что данный суффикс имеет интересный аналог в чукотско-камчатских языках. На такие размышления наводят, в частности, примеры чукотск. вилюптин [вил-уптин] ‘тавро на оленьем ухе’ (ср. вэлелгын ухо’, мн. ч. вилюты уши’, вилюпты-к [вил-упты-к] ‘делать метки на оленьих ушах’, на основании чего можно полагать, что данный суффикс восходит к самостоятельному глагольному корню, осложненному “простым” именным суффиксом -н. Материальное совпадение исходных основ нивхского полусуффикса -упс и чукотского полусуффикса -уптин является случайным: они различаются по значению. Однако нет сомнения в том, что чукотское словосложение структурно соответствует той модели словообразования, которая вызвала к жизни общеалтайский суффикс *-пту:н”, п.-мо.-всі.